

МЕКСИКАНСКАЯ ВЫСТАВКА В МОСКВЕ

12 октября 1960 г. в Москве была открыта на 2 месяца выставка «Искусство Мексики с древнейших времен до наших дней». Еще никогда к нам не привозили подобной выставки, так полно представляющей историю искусства какой-либо страны. Мексика необычайно щедро раскрыла сокровищницу своих национальных богатств. Организаторы выставки не только отобрали для показа лучшие вещи, хранившиеся в Национальном музее в Мехико и во многих провинциальных музеях страны, но и пополнили свою коллекцию многочисленными произведениями искусства из различных частных собраний. Особенно обширная коллекция уникальных произведений была посвящена древнему искусству доколумбовой Мексики.

На выставке в Москве многие разделы были представлены более полно и, пожалуй, более совершенными образцами, чем в крупнейших музеях Мексики. Поэтому можно сказать, что даже побывав в Мексике, лишь при очень счастливом стечении обстоятельств можно было бы увидеть все то, что оказалось доступным обозрению москвичей.

Рис. 1. «Собачки» — глиняные сосуды («культура Запада»)

Еще у входа в Государственный Музей изобразительных искусств, где разместилась мексиканская выставка, внимание посетителей привлекали колоссальные каменные скульптуры: пятиметровая колонна — атлант, изображающая тольтекского воина, и огромная голова ольмекского юноши в плотно прилегающем шлеме. Эти замечательные памятники индейской скульптуры созданы за много столетий до прихода испанских завоевателей.

Собственно выставка открывалась произведением современного скульптора Франсиско Суньиги — композицией «Мексика изменяющаяся и неизменная». Ф. Суньига мастерски воспользовался необычной для нас, но традиционной для мексиканской пластики формой, создав двусторонний барельеф, на котором с одной стороны высечен орел, олицетворяющий Мексику, а с другой — фигура человека, своеобразный плоскостной разворот которой перекликается с древними барельефами доколумбовой Мексики. Это чудесное произведение из оникса отражает основную идею выставки — преемственность древних традиций, преемственность творческую, то «изменяющееся и неизменное», что есть в мексиканском искусстве.

Выставка, размещенная в шести больших залах музея, делилась на три отдела: археологический, отдел современного искусства и отдел современного народного творчества. Искусство колониального периода было представлено очень незначительно.

Наиболее широко и полно было показано разнородное искусство индейских народов доколумбовой Мексики. Оно экспонировалось в четырех залах из шести. Хорошо продуманная экспозиция, стремление показать наиболее типичные вещи, а также уникальные художественные достоинства большинства экспонатов создавали четкое представление о стиле каждой археологической культуры. Более того, утверждалась идея преемственности культур, поступательности их развития, их совершенствования.

Следует отметить еще одну характерную черту археологической экспозиции на выставке — ее большую художественную культуру: спокойный световой фон, создаваемый щитами, достаточно разнообразный, но не мешающий восприятию; прекрасное

освещение, умело подчеркивающее художественные качества и выразительность экспонатов.

Для этнографа археологический отдел давал много интересного, так как наряду с образцами профессионального искусства древности, представленными многочисленными предметами культового назначения, на выставке было множество чудесных образцов народного творчества, главным образом бытовой керамики, глиняных игрушек, мелких жанровых статуэток, помогающих воссоздать картину повседневной жизни индейцев тех времен.

Осматривая стенды, посвященные искусству «доклассического» периода, сравнительно малоизученной «культуры Запада», ольмекской, теотихуаканской, сапотекской и миштекской культур, посетитель знакомился с утонченным мастерством индейских умельцев.

Рис. 2. Сосуд в виде сидящего усталого мужчины («культура Запада»)

В витринах «доклассической культуры», заполненных многочисленными культовыми женскими статуэтками, выполненными, как правило, в довольно единообразной традиционной манере, бросались в глаза небольшие фигурки обнаженных женщин, сидящих в спокойных и непринужденных позах, удивительно реалистичные и живые. Очень хороши разнообразные сосуды самых необычных форм: один в виде плывущей важной и надутой утки, другой — изображающий акробата, застывшего в невероятной позе, третий — в форме человеческой ноги и т. п. Встречаются очень своеобразные сосуды, по форме напоминающие керамику индейцев Андского нагорья.

Несколько небольших витрин познакомили посетителя с самой загадочной древней культурой Мексики — ольмекской. Здесь обращали на себя внимание удивительной тонкостью и изяществом различные поделки из нефрита, а также выполненный из желтой глины торс спящего ребенка и характерное для ольмеков глиняное изображение детоподобного божества. В культуре ольмеков можно отметить ряд характерных деталей, которые как бы предвосхищают специфические особенности многих более поздних культур.

Но особенно долго и внимательно посетители рассматривали стенды, посвященные «культуре Запада», представленной главным образом разнообразными глиняными сосудами и фигурками. Поражает необыкновенное богатство тематики: здесь можно было видеть фигурки веселых музыкантов, настороженных воинов со щитами, работающих или же дерущихся женщин, пляшущих танцовщиц, карликов, несущих тяжелый груз, сосуды в виде попугаев, уток, раскормленных собак в самых разнообразных позах (подчас подмеченных с большим юмором). Отсутствие скованности в тематике

и манере выполнения, как и бытовое назначение большинства изделий, свидетельствуют, на наш взгляд, о глубокой народности этого искусства. Особо следует отметить сосуд в виде сидящего утомленного человека, в котором удивительное совершенство формы, предельная выразительность и реалистическое, хотя и в несколько обобщенной манере, выполнение, сочетаются с соответствием бытовому назначению — это свидетельствует о том, что искусство глубоко проникло в быт создателей «культуры Запада».

Жизнеутверждающее «искусство Запада», по-видимому, отнюдь не культового назначения, сменяли в экспозиции строгие каменные погребальные маски Теотихуакана, выполненные с большим вкусом и знанием материала, и сапотекские погребальные урны

Рис. 3. Общий вид зала, посвященного искусству майя. В центре — скульптурное изображение бога дождя Чак-Моола

в виде различных божеств в пышных и сложных одеждах и головных уборах. Обращала на себя внимание простотой и строгостью исполнения небольшая фигурка сидящего со скрещенными ногами писца.

Знаменитые изделия ювелиров доколумбовой Мексики, о которых так много писали испанские хронисты времен завоевания, дошли до нашего времени в очень незначительном числе, так как были переплавлены испанцами на золотые слитки; на выставке они были представлены золотым ожерельем и золотыми кольцами необычайно тонкой, изящной работы.

В следующем зале посетитель выставки ознакомился с искусством хуастеков и тонаков, живших на побережье Мексиканского залива. У входа в зал бросался в глаза барельеф божества сумерек, когтистого существа, надвигающегося на горизонт и поглощающего солнце. Тонакское искусство было представлено серией единственных в своем роде смеющихся головок и хохочущих человечков. Против нее были экспонированы так называемые «аче» — загадочные каменные изображения человеческих профилей, хищных птиц. Назначение аче не ясно. Они отличаются декоративностью и вместе с тем утонченностью в проработке деталей, великолепным соотношением пропорций, пластичностью.

Зал, посвященный искусству майя, напоминался, помимо прекрасного содержания, своим оформлением. Здесь особенно поражало умелое пользование световыми контрастами: часть экспонатов находилась в тени, часть — как бы на ярком тропическом солнце. Эффект достигался направленным освещением, подчеркивающим скульптурные формы и резьбу на каменных барельефах. Неволяно внимание посетителя концентрировалось на основном. Тусклые краснозато-коричневые плиты подчеркивали совершенно белой или светло-серой скульптуры. Экспонаты были размещены свободно, экспозиция не загромождена. От самого входа посетителя встречал настороженный взгляд полулежащего в традиционной позе Чак-Моола — бога дождя. В этом же зале экспо-

нировалось одно из наиболее прекрасных произведений искусства доколумбовой Мексики — голова воина, найденная в Паленке. Здесь же были показаны знаменитые многоцветные композиции из храма в Бонампаке и необычайно интересная (особенно для этнографа) серия небольших глиняных фигурок с о-за Хайна, среди которых — изображения мужчин и женщин, знатных майя и рабов, воинов. Все они очень достоверны даже в мелких бытовых деталях. Гри взгляде на них легко воссоздается облик жителей древних городов и селений индейцев майя.

Переходя в следующий зал, посетитель сразу попадал в мир монументального, несколько сурового искусства ацтеков — народа воинов. Бросался в глаза открытый стенд с каменными изображениями громадных свернувшихся змей; среди них — странные пернатые змеи, олицетворяющие бога Ке-цалькоатля. Голова мертвого человека, головы «воина орла» и «воина ягуара», коренастая фигура пленника, изображения богини смерти и земли Коатликуэ — определяли общий мрачноватый колорит этого зала.

После блестящей экспозиции археологического материала отдел, посвященный колониальному искусству, не производил особенного впечатления. Несомненно, показанные здесь произведения по художественным достоинствам намного ниже искусства доколумбовой Мексики. Искусство колониального периода воспринимается лишь как связующее звено между высокими цивилизациями древности и расцветающим искусством современной Мексики. Выставленные произведения скульпторов и художников убеждают, что искусство Испании, принесенное завоевателями в чужую страну, не смогло победить искусство коренного населения Мексики. Более того, плодотворное влияние индейского искусства — основа самобытности и главная причина художественного взлета современного искусства Мексики.

Это становится особенно очевидным, когда знакомишься с залами, посвященными современной живописи, где висят полотна таких художников, как Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос и Хосе Клемента Ороско.

Нельзя до конца понять современное изобразительное искусство Мексики, не будучи знакомым с мексиканскими древностями: традиционные мотивы очень сильны там и сейчас. Речь идет здесь не о стилизации, а о подлинной преемственности, о проникновении в самый дух народной традиции. Три крупнейших мексиканских художника современности, очень различные по творческому почерку, сходны в этом отношении. Для Д. Сикейроса наиболее характерно восприятие монументальных форм искусства ацтеков и их предшественников. Несколько мрачное философское содержание творчества Х. Ороско, его стремление к обобщенной символике перекликается с профессиональным религиозным искусством древней Мексики. Но особенно ярка и выразительна народная традиция в творчестве Д. Риверы. При взгляде на его картины, посвященные Мексике, сразу вспоминаются сочные жанровые статуэтки «культуры Запада», колорит и выразительность фресок Бонампака.

Показу современного народного творчества на выставке было отведено, к сожалению, очень мало места — только один небольшой зал. Кроме того, экспозиция явно была подчинена декоративным задачам. Отдельным любопытным, но не существенным произведениям народного творчества, например, картонным фигурам «нуд» и так называемым «калаверас» (картонные изображения черепов и скелетов) было отведено слишком много места — они подавляли все остальное, заслоняя собою гораздо более широко бытующие произведения народного творчества. В то же время на выставке совсем не были представлены ткачество и вышивка, очень богатые и разнообразные в Мексике, особенно у различных индейских народов, в орнаментике которых сохранились интереснейшие элементы доиспанских времен. Не было знаменитого мексиканского серебра и изделий из кожи, слабо было представлено плетение.

Лучше всего были показаны гончарные изделия: бытовая керамика и глиняные игрушки. Неисчерпаемо богатство их форм и расцветок. Интереснейшим образом переплетаются древние индейские и более поздние традиции. Особенно своеобразны изделия гончаров из Койотепака (Оахака). Огромный черный полированный кувшин для воды с удивительно пластичным гравированным орнаментом из листьев; «пичанча —

Рис. 4. Мужская голова с прической, украшенной перьями (культура майя)

Рис. 5. Статуя богини Коатликуэ (экспозиция ацтекского искусства)

Рис. 6. Глиняная жаровня и «опахало» для раздувания угля
(Пуэбла и Мехико)

Рис 7. Керамические изделия из Толимана (Герреро)

специальный сосуд для промывки зерен маиса; небольшие канделябры для одной свечи в виде любимого персонажа многих сказок — «сирениты» (маленькой сирены); звонкие колокольчики в виде ангелочков — выполнены из черной, с металлическим отливом, глины. Вся хозяйственная утварь — круглодонная, традиционной доколумбовой формы и до сих пор производится без гончарного круга, тогда как получение канделябров и колокольчиков в виде сирен и ангелочков связано с позднейшим католическим влиянием. Круглодонные сосуды из Койотепека, с которыми обязательны плетеные круглые подставки, соседствуют с «циновочной» расписной керамикой из Тонала

Рис 8. Сова и лягушка (глиняные игрушки из Гвадалахары, штат Халиско)

(Халиско); стиль ее, с характерным тонким сетчатым белым фоном (отсюда и название), сложился лишь в XIX в.

На открытом стенде посреди зала стояли изящные удлиненные сосуды из Толимана с коническим дном и тремя небольшими ручками для подвешивания. Это очень древняя для данных мест форма. Сосуды покрыты сюжетной стилизованной росписью, с удлиненными линиями, соответствующими их форме.

Глиняные фигуры, изображающие животных и птиц (львов, кошек, уток и т. п.), изготовленные в Гвадалахаре (Халиско), в какой-то степени продолжают традиции замечательных мастеров «культуры Запада», однако теперь принято всю статуэтку покрывать орнаментальной росписью.

Рис. 9. Олень и лягушка (глиняные игрушки из Оахаки)

Ряд гончарных изделий — игрушки и посуда из Атцомпы (Оахака) и Мичоакана покрыты переливчатой зеленой глазурью. Эта техника была воспринята индейцами от испанских ремесленников. Нельзя не отметить очень живописные, ярко раскрашенные сложные глиняные канделябры в виде райского «древа жизни», которые сейчас изготавливаются в селении Матаморос де Итцукар (Гуэбла).

Кроме гончарства, сравнительно полно были показаны изделия из лака, бытующие в настоящее время, в их числе — небольшой деревянный сундучок из Олинала (Герреро), покрытый многоцветной росписью. Интересна техника росписи: вся поверхность покрывается сплошными цветными слоями, а затем прорезается узор. Очень хороши деревянные расписные блюда из Уруапана (Мичоакан) и калесасы, расписанные крупными яркими цветами, — неперемнная принадлежность в хозяйстве многих селений Чиапаса.

Очень необычны изделия индейцев-хуичолой, которые на небольших деревянных табличках, по клею, делают аппликации из разноцветных шерстяных нитей. Аппликации делаются без предварительного нанесения рисунка; изображаются цветы, бабочки, козы, орлы. Их отличает особая красочность, декоративность и разнообразие: двух табличек с одинаковым рисунком не бывает.

Один из недостатков в экспозиции современного народного творчества — отсутствие указания, для какой этнической группы характерна выделка тех или иных изделий (в этикетках указан лишь район их производства). Можно лишь догадываться, что зеленая керамика Мичоакана принадлежит тараскам и т. п. Это вряд ли правильно при показе современного народного творчества такой многонациональной страны, как Мексика.

В целом этот раздел выставки производил впечатление некоторой скромности, после его просмотра у посетителей не возникало цельного представления о повседневной жизни мексиканцев. Этот пробел до некоторой степени восполняли великолепные фотовитрины, расположенные на галерее. В многочисленных фотографиях передана удивительная красота природы и людей Мексики. Вообще фотографии на мексиканской выставке заслуживают особого упоминания, они великолепно дополняли экспонируемый материал (например, фотоснимки архитектурных деталей и целых архитектурных комплексов древних майя), а подчас помогали полнее выявить художественные достоинства отдельных экспонатов, особенно — небольших по размерам.

Следует пожалеть, что мексиканская экспозиция перебивалась залами, не имеющими никакого отношения к мексиканскому искусству. Не всегда достаточно профессиональным был перевод каталога выставки и этикеток на стендах. Но все это — детали, отнюдь не определяющие общего впечатления от выставки.

Выставка «Искусство Мексики» — радостное и важное событие в культурной жизни советского народа. Множество людей непосредственно познакомились с выдающимися достижениями «самобытного и своеобразного искусства дружеской страны. Особо хочется отметить, что выставка в Москве состоялась в 1960 году, в юбилейный для мексиканского народа год 150-летия начала борьбы за независимость. После Москвы, мексиканская выставка в течение февраля — марта демонстрировалась в Ленинграде, где она имела столь же блестящий успех, каким пользовалась у москвичей.

* * *

После закрытия выставки на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 21 декабря 1960 г. выступил вице-директор Национального музея изящных искусств в г. Мехико, директор выставки «Искусство Мексики» д-р Фернандо Гамбоа. Он сделал очень содержательное сообщение о деятельности этнографических учреждений в Мексике, выслушанное с большим вниманием. Другое сообщение Ф. Гамбоа — «О принципах экспозиции в музеях Мексики», содержавшее много новых и любопытных сведений и обобщений, также вызвало очень большой интерес. Сообщение д-ра Гамбоа было тем более убедительным, что мы видели на только что закрывшейся выставке прекрасный образец искусства музейной экспозиции.

В заключение были продемонстрированы несколько фильмов о древнем и современном искусстве Мексики и этнографический фильм о карнавале в одном из мексиканских селений.

Директор Института этнографии С. П. Толстов тепло поблагодарил д-ра Ф. Гамбоа за ценное и увлекательное выступление на Ученом Совете Института и выразил надежду на дальнейшее укрепление научных связей между учеными Мексики и Советского Союза.

М. Ф. Хорошаева

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1959 ГОДУ

Летом 1959 г. работало восемь историко-бытовых экспедиций Музея, развернувших свою деятельность в разных районах Советского Союза — в Одессе и Николаеве, в Московской области, Криворожье и Средней Азии, на Херсонщине, Ангаре, Северной Двине и на Дальнем Востоке.

Особняком среди экспедиций 1959 г. стоят Северодвинская и Приангарская. В задачу первой (начальник С. К. Жегалова) входило не столько пополнение коллекций музея, сколько сбор материалов для определения и изучения старых, не паспортизированных предметов, хранящихся в фондах. Работа, проделанная экспедицией, имеет большое значение и для изучения северодвинской крестьянской росписи¹.

Приангарская экспедиция (начальник И. В. Маковецкий) ставила своей целью изучение архитектурных традиций Приангарья и сбор бытового материала. Экспедиция доставила в Москву одну из двух сохранившихся сторожевых башен Братского острога — интересного памятника деревянного зодчества XVII в. Башня восстановлена в филиале Государственного исторического музея — в с. Коломенском. Вторая башня восстанавливается в Новом Братске.

Для изучения архитектурных памятников члены экспедиции обследовали Старый Братск и ряд сел вверх и вниз по Ангаре (Падун, Дубынно, Аникино, Подбеланка, Суворово, Долгий Луг и другие). В селе Долгий Луг обнаружена изба XVIII в. Она была разобрана, и фрагменты ее использованы для восстановления Братской башни. Верхнее Суворово славится большим разнообразием наличников; некоторые из них

¹ См.: С. К. Жегалова, Экспедиция Государственного исторического музея на Северную Двину, «Сов. этнография», 1960, № 4.